

Каталонский сепаратизм и Европейский союз

Анна Сергеевна Орлова (р. 2002) – магистрантка кафедры истории и теории исторической науки учебно-научного Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

В последние годы сепаратистские движения в Европе привлекают немалое внимание исследователей. Особо любопытными для ученых-политологов кажутся масштабные случаи Каталонии и Шотландии, хотя в диапазон обзора попадают и другие, более «скромные» кейсы. Рассматривая эту тематику в ее целостности, некоторые специалисты предлагают анализировать европейские сепаратистские движения в логике «снежного кома», в рамках которой все элементы и акторы оказываются взаимосвязанными. Несмотря на разумность такого подхода, пока он остается не слишком популярным. Вместе с тем изучение влияния сепаратистских движений, с одной стороны, друг на друга, а с другой стороны, на общеевропейскую политическую сцену кажется весьма перспективным направлением научной работы, позволяющим пролить свет на современное состояние европейского сецессионизма. В этом плане интересным представляется, как на функционировании Европейского союза (ЕС) как интегрированного целого сказывается деятельность каталонского движения за отделение от Испании.

СЕПАРАТИЗМ ЗАРАЗЕН?

Прежде всего необходимо обосновать предпочтение, отдаваемое в этом тексте Каталонии. Первейшей его причиной выступает то, что каталонский сепаратизм в последнюю четверть века превратился в одно из самых значимых и резонансных проявлений тяги к политическому самоопределению, причем не только на европейском континенте, но и во всем мире. Об этом свидетельствует массовая поддержка каталонского суверенитета, включая широкое участие гражданского общества в подготовке и проведении соответствующих голосований, готовность людей выходить ради этой идеи на улицы, разрастание электоральной базы сецессионистских партий. И хотя в настоящее время нельзя не отметить некоторого снижения сепаратистского тонуса, проявившегося, в частности, в потерях, понесенных сецессионистами в ходе региональных выборов мая 2024-го, при всем этом каталонский кризис не кажется близким к исчерпанию. Здесь следует также учесть, что общеиспанским политическим партиям, как правым, так и левым, при формировании коали-

ционных правительств почти всегда приходится апеллировать к поддержке региональных партий и движений, включая каталонские, чтобы гарантировать требуемое большинство.

В свете сказанного полезно также обратить внимание на ключевую особенность, противопоставляющую каталонский и шотландский варианты сепаратизма: *неконституционность* борьбы Каталонии за сецессию. Если Шотландская национальная партия (Scottish National Party – SNP), добиваясь выхода из Соединенного Королевства, согласовывала проведение референдума о независимости с Лондоном, то каталонские националистические силы, настаивающие на расставании с Испанией, давно отказались от сотрудничества с Мадридом. При этом подход Каталонии до недавнего времени имел многочисленных приверженцев не только в Европе, но и на других континентах: ведь свободный выход из состава суверенного государства запрещен практически повсеместно, а центральные правительства не спешат делиться своей субъектностью просто так.

Сам факт реализации сепаратистского порыва в пределах квазифедеративного союза также влечет за собой важные последствия. Общее пространство Европы выступает объектом имплементации единой политики, координированно проводимой общеевропейскими институциями, и поэтому нет таких государств-членов ЕС, которые не были бы ею затронуты. Но раз европейская интеграция касается всех, то и противонаправленный вектор дезинтеграции также будет универсальным. Иными словами, сепаратистские движения, действующие в различных европейских странах, образуют что-то вроде «негласного интернационала», находясь в постоянном контакте друг с другом и оказывая друг на друга влияние. И, чем мощнее движение, тем более сильным оказывается генерируемое им внешнее воздействие.

Каким же образом события в Каталонии воспринимаются иными националистическими силами, действующими в европейских регионах? Практика континентальных сепаратистских движений и организаций свидетельствует, что каталонский дискурс самоопределения нашел отклик повсюду, где этнические или лингвистические меньшинства ставят вопрос о расширении собственной автономии.

Показателен, в частности, случай Фландрии: по мере развертывания сепаратистского натиска в Каталонии фламандские националистические партии, мечтающие о выходе из состава Бельгии, не раз выражали поддержку каталонским сторонникам отделения от Испании¹. Они последовательно демонстрировали

¹ См., например: *Nacionalistas flamencos piden diálogo en favor de la independencia catalana* // La Vanguardia. 2017. 2 de octubre (www.lavanguardia.com/politica/20171002/431754551446/nacionalistas-flamencos-piden-dialogo-en-favor-de-la-independencia-catalana.html).

АННА ОРЛОВА

КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

солидарность с Каталонией, принимая участие в подготовке и проведении референдума, освещая каталонские события в своих средствах массовой информации, поддерживая осужденных сецессионистов. Самая крупная фламандская партия «Новый фламандский альянс» («Nieuw-Vlaamse Alliantie» – N-VA) нередко и нарочито использует символику, отсылающую к независимости Каталонии – неофициальный флаг *Estelada* или выражение «Catalunya lliure», – в продвижении собственной, бельгийской повестки. Посредством этих символических коннотаций фламандские сепаратисты проводят четкие параллели между Каталонией и Фландрией, актуализируя «несомненное право» своей территории на самоопределение. При этом, несмотря на методичное расшатывание собственного государства, они, подобно своим каталонским единомышленникам, постоянно подчеркивают преданность европейским идеям, ценностям, институтам².

Сепаратистские движения, действующие в различных европейских странах, образуют что-то вроде «негласного интернационала», находясь в постоянном контакте друг с другом и оказывая друг на друга влияние. И, чем мощнее движение, тем более сильным оказывается генерируемое им внешнее воздействие.

Впрочем, эффект, производимый каталонскими событиями на фламандскую политическую практику, на рубеже 2010–2020-х ограничивался по большей части психологической мобилизацией: рассуждая на чужих примерах о том, как другие государства системно ограничивают региональную автономию и блокируют политическое самовыражение народа, можно более гладко легитимировать собственные устремления, приписав им к тому же общеевропейскую значимость. Особенно хорошо этот прием работает в условиях коммуникационной глобализации, когда несправедливость по отношению к иным сообществам может восприниматься как собственная беда (и наоборот).

Каталонские потрясения 2017 года предоставили бельгийским сепаратистам удачный информационный повод, чтобы подогреть публичную дискуссию относительно положения Фландрии в составе Бельгии: продвигаемый ими тезис о том, что далеко не во всех европейских странах центральные влас-

2 Подробнее см.: ORTIGOSA V.S. *Spanish and Catalan Nationalism and Their Relevance for Flanders* // Academia.edu. 2018 (www.academia.edu/92115542/Spanish_and_Catalan_nationalism_and_their_relevance_for_Flanders).

ти способны удовлетворять региональные запросы и чаяния, был подкреплен выразительными барселонскими материалами. Дубинки испанской полиции, обрушившиеся на головы участников референдума, в трактовке фламандских СМИ, которые в значительной своей части поддерживают сепаратистов, стали наглядной иллюстрацией уязвимости национального меньшинства перед чуждой центральной властью. Интересно, что подобным трактовкам не мешает даже то обстоятельство, что, по результатам парламентских выборов 2024 года, «Новый фламандский альянс» стал ведущей партией страны, а его лидеру Барту Де Веверу было поручено формирование федерального правительства Бельгии. Кстати, одно из известных высказываний этого политика звучит так: «Мы не тутси и не хуту, мы будем договариваться»³.

АННА ОРЛОВА
КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

СЕПАРАТНО ОТ КАТАЛОНСКИХ СЕПАРАТИСТОВ

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что провал каталонского референдума произошел на фоне электоральных успехов ряда регионалистских (или даже сепаратистских) партий, действующих в Европе.

В Бельгии на федеральных выборах 2019 года наиболее преуспели две партии, выступавшие за сецессию: «Новый фламандский альянс» с 16,03% и «Фламандский интерес» («Vlaams Belang» – VB) с 11,85%⁴. В ходе той же кампании во фламандский региональный парламент не смогла пройти партия «Союз франкофонов» («Union des Francophones» – UF)⁵, отстаивающая интересы франкоязычных жителей Фландрии. Те же тенденции наблюдались и на выборах 2024 года, по результатам которых Де Вевер возглавил правительство: «Новый фламандский альянс» тогда получил 16,7% голосов, а «Фламандский интерес» – 13,7%⁶.

Для Корсики⁷, давно нервирующей французский правящий класс, каталонский кризис внешне также выглядит рубежной вехой. В 2015 году островные партии, представляющие различные ответвления корсиканского национализма («Femu a Corsica», «Corsica Libera»), набрали на региональных выборах 35% голо-

3 Что известно о новом премьер-министре Бельгии Барте Де Вевере // ТАСС. 2025. 3 февраля (<https://tass.ru/info/23043179>).

4 См.: *Election results. Belgium. House of Representatives, June 27, 2019* (<https://data.ipu.org/parliament/BE/BE-LC01/election/BE-LC01-E20190526/>).

5 VLAAMS PARLEMENT. *Uitslagen 2019* (<https://resultaten2019.vlaanderenkiest.be/#/parlement/02000>).

6 См.: *Election results. Belgium. House of Representatives, June 9, 2024* (<https://data.ipu.org/parliament/BE/BE-LC01/election/BE-LC01-E20240609/>).

7 Подробнее см.: FARINELLI M. A. *Island Societies and Mainland Nation-Building in the Mediterranean: Sardinia and Corsica in Italian, French, and Catalan Nationalism* // *Island Studies Journal*. 2017. Vol. 12. № 1. P. 21–34.

сов, что стало крупным достижением на фоне 18%, полученных в 2010-м. Но в 2017-м, когда протесты в Каталонии были в самом разгаре, они получили уже 56% голосов и 65% мест в местной легислатуре. Наконец, в ходе голосования 2021 года корсиканских сепаратистов поддержали 68% избирателей, что обеспечило им без малого три четверти парламентских мандатов⁸. На протяжении этих лет население Корсики участвовало в протестных кампаниях, проходивших под лозунгами расширения островной автономии в законотворческой сфере, предоставления корсиканскому языку официального статуса, обеспечения осужденным корсиканцам возможности отбывать наказание на «малой родине». Несмотря на то, что диалог между представителями корсиканских элит и центральной властью в рассматриваемый период не прекращался, особо значимых результатов он пока не принес.

В октябре 2017 года, почти одновременно с подготовкой и организацией каталонского референдума, свои голосования относительно расширения региональной автономии провели итальянские регионы Венето и Ломбардия. В ходе этих волеизъявлений курс местных властей на дальнейшую децентрализацию и уход из-под опеки Рима получил едва ли не единодушную поддержку избирателей, что обеспечило региональным чиновникам хорошие стартовые позиции в новом раунде переговоров с центральным правительством. Требования двух территорий отличались друг от друга: если Венето был заинтересован в принятии специального статута, то Ломбардия требовала передачи себе 23 новых компетенций, среди которых были самостоятельная координация отношений с ЕС и управление аэропортами⁹. При этом в случае Венето были определенные параллели с каталонской ситуацией, поскольку в 2014 году в этом итальянском регионе устами местного руководства публично ставился вопрос об отделении от Италии¹⁰. Хотя итальянские голосования не имели юридической силы, они способствовали упрочению сепаратистских настроений среди местных элит; в Венето, например, после завершения кампании 2014 года начали открыто обсуждать перспективы следующего, и на сей раз официально, референдума о независимости региона. Не исключено, что в данном случае не Каталония влияла на Венето, но, наоборот, воздействие Венето сказывалось на Каталонии.

8 Подробнее см.: FAZI A. *Territorial Elections in Corsica, 20–27 June 2021* // Blue: Electoral Bulletins of the European Union. 2022. № 2. P. 68–72.

9 См.: РАСНО L. *La Llobardia i el Vèneto busquen més autonomia* // Diari ARA. 2017. 21 d'octubre (www.ara.cat/internacional/llobardia-veneto-busquen-mes-autonomia_1_1285294.html).

10 См.: ЦЕЙТЛИН С. *Губернатор региона Венето: Рим нас водил за нос последние 20 лет* // Российская газета. 2014. 26 марта (<https://rg.ru/2014/03/26/veneto-site.html>); *Parliamentary question – E-002111/2014. Referendum on independence for the Veneto region. February 21, 2014* (www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-7-2014-002111_EN.html).

Однако в целом у нас нет оснований говорить, что каталонский кейс послужил образцом, на который равнялись бы европейские сепаратисты за пределами Испании. Он и не мог стать модельным по множеству частных причин, определявшихся разными целями, установками, стратегиями тех или иных региональных движений. Так, итальянский региональный автономизм идеологизирован в гораздо меньшей степени, чем каталонский сепаратизм: базой для децентрализаторской агитации здесь служит прежде всего недовольство фискальной политикой итальянского государства, а потому идея полного отделения используется региональными элитами скорее «понарошку»: с ее помощью удобно давить на Рим, но конечной целью таких упражнений в Ломбардии или Венето видят не развал государства, а всего лишь его федерализацию. Иначе говоря, лозунг независимости служит своего рода «разменной монетой»: если в какой-то момент тактически выгодно его убрать, то это делается без колебаний. Например, именно так сепаратистская «Лига Севера», пользуясь влиянием как в Венето, так и в Ломбардии, в 2017 году удалила из своей программы требование государственной независимости северных итальянских регионов. Обращение же к опыту итальянского Южного Тироля, где также имеются свои сепаратисты, и вовсе показывает полное отсутствие релевантности здешней ситуации с каталонскими борениями: победа Южнотирольской народной партии (Südtiroler Volkspartei – SVP) на выборах, которые состоялись в октябре 2023 года в области Больцано – Южный Тироль, стала для нее семнадцатой (!) по счету с 1947 года¹¹. Так что применительно к Италии если и можно говорить о влиянии каталонских демаршей на итальянских автономистов, то оно было и остается в лучшем случае несущественным и косвенным.

ЕВРОПА СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

Каталонский кейс имеет еще одну интересную грань: он позволил правительствам целого ряда европейских стран усовершенствовать собственные стратегии борьбы с сепаратизмом и сецессионизмом¹². Испанию гласно или негласно критиковали в Европе за то, что ее действия в Каталонии запоздали, и сам этот факт повышал ценность превентивных стратегий в глазах европейского истеблишмента. Хотя об этом и не говорилось в открытую, не без основания можно предположить, что французские

11 См.: *Autonomous Province of Bolzano – South Tyrol. 2023* (<https://provincialelections.provincia.bz.it/en/elected>).

12 LOYER B. *Francia y España: diferentes significados del concepto de unidad* // Revista internacional de pensamiento político. 2007. № 2. P. 15–36.

власти, например, в итоге укрепились в своей сдержанности относительно официального обращения региональных языков. В противовес Испании, где с 2023 года разрешено пользоваться такими языками даже в Кортесах, во Франции их применение остается неконституционным – несмотря на то, что сами они в 2008 году были объявлены «культурным наследием» страны.

Каталонский референдум не получил легального признания со стороны ЕС. Более того, Европейская комиссия не раз подчеркивала, что провозглашение независимости будет означать исключение Каталонии из Союза¹³. Тем не менее такая линия официальной Европы никак не повлияла на дискурс «европейского пути», встроенный в идеологический свод каталонских сепаратистов. Более того, заявления представителей ЕС, предостерегающие испанские власти от применения насилия в отношении манифестантов, в сепаратистских кругах были истолкованы как проявления поддержки той борьбы, которую ведет народ Каталонии. По-видимому, здесь мы имеем дело с двойным искажением: если каталонские общественные деятели, а вслед за ними и местные СМИ всеми силами интерпретируют позицию официальной Европы в свою пользу, то и европейская линия при более пристальном рассмотрении предстает не такой уж последовательной, как может показаться на первый взгляд.

Главной проблемой здесь оказывается двусмысленное отношение единой Европы к собственному региональному разнообразию. С одной стороны, выстраивая и развивая отношения со своими регионами через Комитет регионов, ЕС сейчас склонен видеть в них более влиятельных акторов, чем прежде; поощрение же регионов при этом рассматривается как инструмент укрепления общеевропейского единства. С другой стороны, открывающаяся перед региональными властями возможность взаимодействовать с Брюсселем напрямую, через головы собственных столиц, цементирует этнические, лингвистические, местнические различия – и тем самым готовит почву для потенциального обособленчества¹⁴. Национальное государство подчас начинают воспринимать как избыточное посредническое звено, лишь мешающее региональному развитию, что в сочетании с положительным имиджем наднациональных институтов, не позволяющих столичным чиновникам покушаться на права меньшинств, делает умы и сердца граждан восприимчивыми для сепаратистской, или даже сецессионистской, агитации¹⁵.

13 См.: EUROPEAN COMMISSION. *Statement on the Events in Catalonia. 2017. October 2* (https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_3626).

14 Подробнее см.: ANDERSON P. *Minority Nationalism and the European Union: The Cases of Scotland and Catalonia* // *L'Europe en Formation*. 2016. № 379. P. 40–57.

15 Подробнее см.: WAGNER A., MARIN J., KROQI D. *The Catalan Struggle for Independence and the Role of the European Union* // *Regional Science Policy & Practice*. 2019. Vol. 11. № 5. P. 787–803.

Любопытно, что институциональные установления ЕС позволили региональным партиям, выступающим за обособление собственных регионов от государственного целого, создать особое межпартийное объединение – Европейский свободный альянс (European Free Alliance – EFA). Европейские сепаратисты имеют также возможность формировать межпарламентские группы, обеспечивающие им более эффективное сотрудничество между собой. Действуя в этом русле, в 2018 году парламентарии из Фландрии, Великобритании, Эстонии и Дании совместно с Диалоговой платформой ЕС – Каталония учредили Парламентскую сеть групп дружбы с Каталонией. Ее официальной целью провозглашалось «объединение голосов» сторонников каталонских сепаратистов, которые ранее действовали разрозненно, но теперь хотели бы координировать будущие шаги¹⁶. Конечно, в подобных акциях трудно усмотреть сколько-нибудь существенную угрозу всему Союзу и входящим в его состав национальным государствам – напротив, в том, что подобная интеграция раскольников вообще допускается, можно усмотреть стремление ЕС подтвердить значимость и вес регионов, отвернув их тем самым от избыточного автономизма. Но подобная политика может оборачиваться и неприятными последствиями; крепнущая идейная солидарность европейских националистов, сепаратистов и сецессионистов, стимулируемая каталонскими событиями, – одно из них.

Испанию гласно или негласно критиковали в Европе за то, что ее действия в Каталонии запоздали, и сам этот факт повышал ценность превентивных стратегий в глазах европейского истеблишмента.

Некоторые действия ЕС на международной арене также вносят сумятицу в региональное самосознание европейцев. Показательным примером здесь может послужить казус Косово. На протяжении нескольких лет Испания сталкивалась с мощным давлением европейских чиновников, требовавших пойти на признание албанского фрагмента бывшей Югославии суверенным государством, и Мадриду, находящемуся в тисках собственных внутриполитических императивов, стоило и стоит большого труда проводить собственную линию в этом вопросе, не обращая внимания на позицию большинства членов ЕС¹⁷.

¹⁶ См.: *MPs from around Europe Denounce Spanish State's Repression* // El Nacional. 2018. November 27 (www.elnacional.cat/en/news/mps-europe-spain-repression-catalonia_329127_102_amp.html).

¹⁷ См.: Прохоренко И. *Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций* // Ибероамериканские традиции. 2020. № 2(28). С. 9–18. В настоящее время Косово не признано пятью странами-членами ЕС: Испанией, Словакией, Кипром, Румынией и Грецией.

Случай Косово не похож на кейс Каталонии, но тем не менее он подталкивает заинтересованных наблюдателей к важному выводу: в арсенале ЕС, как выясняется, есть сразу несколько стратегий отношения к сепаратизму, подбираемых под конкретные обстоятельства места и времени. С испанской точки зрения это весьма печально, поскольку для Каталонии вопрос признания Косово имеет огромную значимость – ведь косовский прецедент придает дополнительный вес сепаратистским требованиям. В случае признания этого квазигосударственного образования Мадридом у его каталонских антагонистов появится надежда на проведение – когда-нибудь – официального референдума о независимости. Причем испанские власти оказываются здесь под двойным прессингом: с одной стороны на них нажимает Барселона, а с другой стороны давит Брюссель.

Случай Косово не похож на кейс Каталонии, но тем не менее он подталкивает заинтересованных наблюдателей к важному выводу: в арсенале ЕС, как выясняется, есть сразу несколько стратегий отношения к сепаратизму, подбираемых под конкретные обстоятельства места и времени.

* * *

Итоги представленных выше размышлений сводятся к следующему. Прежде всего имеющаяся фактура позволяет говорить не о прямом, а лишь о косвенном влиянии каталонской борьбы за самоопределение на другие националистические движения. До определенного момента барселонские демарши, разумеется, вдохновляли кого-то из сепаратистов, но то, что происходило в Каталонии и вокруг нее после октября 2017 года, уже не воодушевляло. Скорее последующие события в очередной раз подтвердили: национальные государства Европы не готовы с легкостью прощать с кусками своей территории – несмотря на весь демократический и правозащитный антураж, обставляющий дискуссии на эту тему. По большей части этот вывод был усвоен всеми европейскими сепаратистами, хотя, как мы видели, они отнюдь не собираются складывать оружие. Сепаратистская тактика во многих случаях была пересмотрена и сделан вывод, что более выгодных условий для какой-либо территории, без усталости подчеркивающей свою самобытность, можно добиться в том случае, если, продавливая расширение

автономии, не ставить под вопрос территориальную целостность государства.

Именно поэтому в сепаратистских кругах Европы сейчас очень популярны разговоры о федерализме (каталонские политики, кстати, не исключение). При таком раскладе у центральной власти просто не остается законных оснований отказываться от переговоров с мятежным регионом, как это было в Каталонии. Более того, общеевропейские инстанции склонны поддерживать децентрализаторские инициативы, что добавляет легитимности требованиям региональных движений. Наконец, на общем тоне автономизма и сепаратизма сказывается и показательное миролюбие, демонстрируемое в последнее время Мадридом: уже в 2025 году, всего через восемь лет после барселонских потасовок, Конституционный суд Испании поддержал решение парламента амнистировать ранее осужденных каталонских раскольников. «Если можно договариваться, то не следует обострять», – к такому выводу, похоже, обоюдно приходят и в национальных столицах, и во фрондирующих регионах.

АННА ОРЛОВА

КАТАЛОНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ
И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

